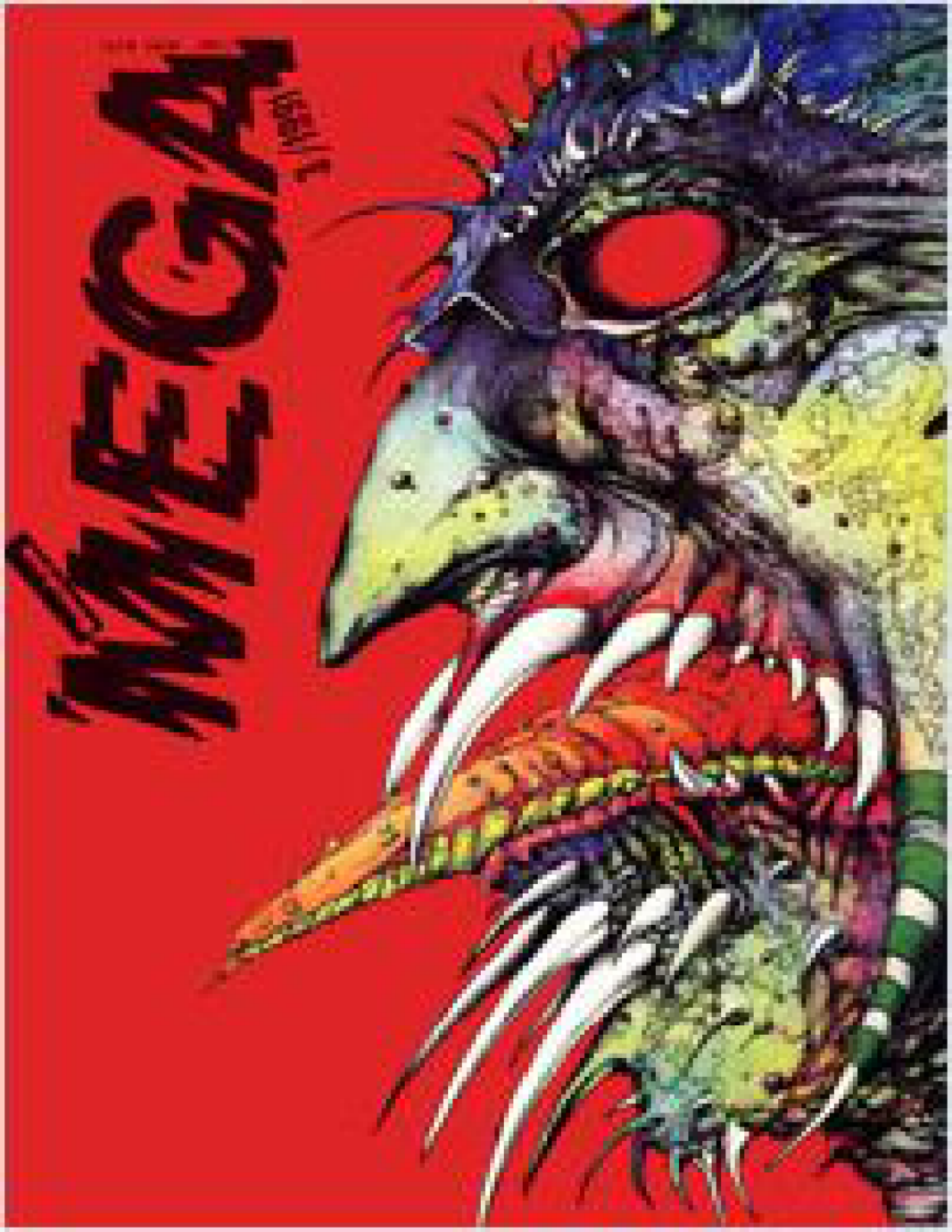
MEGA

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Жил кузнец один – работник наилучший, хозяин справный. А вот жены у него не было. И случилось так, что морозным темным вечером пришла к нему в дом странница – да не простая, а с пушистыми белыми крылышками за спиной. Андел, одним словом...

- Сергей Булыга
  - ○

Сергей Булыга
Андел
(слышано от беглого солдата Митрия)

В одном немалом городе, при самой заставе, кузнец проживал. Как его звали, не скажу, не положено. А вот что с ним приключилось, это пожалуйста.

Было тому кузнецу лет под тридцать. Но не женатый еще – то ли некогда было, то ли он привередничал, я не знаю. А работник он был наилучший; конь прежде сдохнет, чем кузнецова подкова отвалится. Так что в заказчиках у него отбоя не было, и жил кузнец неголодно. И все же – хоть я и сам холостой, а признаем – без хозяйки в хозяйстве неладно; вроде и есть все, что нужно, а как бы и нет ничего.

И вот как-то на мясопуст, только морозы ударили, стемнело уже… Стучатся в дверь! Открыл кузнец – а на пороге странница. Худая, бледная, шубейка на ней драная. Стоит она, молчит и улыбается. Ну, дело ясное: мороз, вот нищая и просится. Может, конечно, и стащит чего, а всё равно ведь живой человек, не прогонишь. Говорит кузнец:

– Входи.

Она вошла. Села в угол, греется и улыбается. Присмотрелся кузнец – а она ведь красавица! Заволновался кузнец, расстарался; самовар выставляет и сахару восемь кусков – и беседу завел: про снег, про морозы, дороги… ну и, конечно, про странных людей – куда их, зачем и какая судьба неприкаянно носит. Улыбается гостья, чай пьет, головой кивает, на сахар между делом налегает. Но ни словечка в ответ за весь вечер так и не сказала!

И кузнец замолчал и задумался: вот ведь как в жизни бывает – немая красавица, во! Что за баба без слов? Хотя, быть может, так оно и к лучшему…

А тут и ночь пришла. Дует, свистит за окнами. Кузнец и так, и сяк прикинул, смутился… и постелил гостье за печкой. А потом, от соблазну, взял и еще занавеску приладил.

Странница за печку ушла, повозилась маленько и стихла.

Тогда и кузнец, головою мотнув, на лежанку полез. Лег на рабочий правый бок, глаза закрыл… А сон нейдет! Вспоминается странница: вся из себя… Да только разве в шубейке рассмотришь? Нет, что это, совсем не то! Дурь это, а не мысли! А надо так: вот завтра встанет он пораньше, две телеги починит, четыре замка, после странница… Тьфу-тьфу, пристала как! Нечистая! Рассердился кузнец, с боку на бок ворочается, спать себя заставляет.

И вот уже и час, вот и другой на колокольне отзвонили…

А лукавый всё на ухо шепчет да шепчет. Тут разве уснешь?!

Да и кто виноват? Ведь сама же видала – живет он один, не женат. Зачем оставалась? Зачем?! Так что вот: не смущай человека, иди на мороз! Да еще…

Нет, не то! И вот так вот лежал, сомневался и злился кузнец. А потом вдруг подумал: а странница, а ей каково? Кто ее, худущую такую, приголубит? Может, горит да мается несчастная душа, слезы ручьями льет. Тут бы… Тут… Да! Надо выйти да глянуть. Вот просто так глянуть – и всё.

Встал кузнец, свечку зажег, пошел. Подошел к печи, маленько постоял, после занавесочку тихонько отодвинул…

А надо вам сказать, что по случаю мороза было в доме как в бане натоплено, а посему…

Смотрит – лежит! Ничком. Теплый толстый армяк – он его накрываться давал – в ноги сбился, и лежит его гостья в чем мать родила! У кузнеца дрожь в руки, одурь в голову. Он ближе! Накло-няется…

И обмер! У странницы чуть ниже плечиков два малых белых крылышка. Пушистые.

– Андел! – охнул кузнец.

И свечу заплевал! И скорее к себе на лежанку! Там в угол забился, сопит и гадает: отчего это ему такая честь? Ведь андел явился – ого!

А про лукавые страсти и думать забыл! Да и что там кузнец, когда все мы такие. А он…

А так он и лежал и судьбу восхвалял, и разве только к рассвету забылся.

А как проснулся, так вздохнул: эх, и вовек бы не вставал! После сладкого сна неохота ему в эту постную жизнь возвращаться.

Ну а как две телеги, четыре замка? Встал кузнец, усы огладил, вышел…

А странница, в шубейку запахнувшись, сидит в углу и улыбается. Нет, значит, не снилась она, значит, вправду явилась! Засуетился, забегал кузнец. Печь растопил, чего мог наварил, гостью накормил, а после говорит:

– Лютый мороз на дворе. Пережди.

Странница молча шубейку сняла, на гвоздь повесила… А после бух ему в ноги! Нет, что это я! Бух на грудь! Щечкой в кузнеца уткнулась, вся трясется – может, плачет, а может, это у нее от смеха…

А кузнец обнимает, ласково гладит ее по спине, говорит:

– Вот и ладушки. Оставайся, живи, разве жалко?!

Сильный, смелый кузнец, а руки дрожат. Это он под тонкой девичьей рубашкой пушистые крылышки чувствует. И страшно, и

радостно – вот! Головой мотнул и в горячем поту ушел в кузницу.

Там от зари до зари намахался, себя не щадил, но совсем не устал. Такая ведь радость была – к нему андел явился! И точно: он только на порог, а она улыбается, ждет.

Кузнец на стол собрал, поели. С бубликами, с разговорами. Только это кузнец говорит, а она только улыбается. Но зато все улыбки небесные.

И снова ночь пришла. Кузнец из сундука перину вытащил и гостье постелил, а сам на лежанку залез и затих.

Но не спится ему. Лежал он, лежал, и вдруг слышит – она просыпается! Растерялся кузнец и зажмурился – мало ли! Не шелохнется, не дышит. И слышит – ширк! ширк! Глянул…

Странница тихо к лежанке подходит. В белой рубахе и косы распущены. Не удержался кузнец! С лежанки соскочил, ей в ноги кинулся.

– Андел! Андел! – твердит.

Она стала его поднимать. А он не дается! Он ей ноги целует и чуть ли не плачет.

Странница тяжко вздохнула, кузнеца по макушке погладила и за печку ушла.

А утром, когда кузнец возле печки старался, странница к окну подошла, рукавом по стеклу провела – и сразу в дому просветлело. Значительно.

С той поры изменился кузнец, похудел. Но зато каждый день гладко выбрит, со всеми приветлив, учтив, на любую работу согласен. Ну а к работе – заказчики. Вот и стал он большую деньгу зашибать, но в корчму не заходит – всё к себе да к себе. В доме андел сидит – румяная, красивая, веселая. Отогрелась, отъелась былая бродяжка.

А кузнец, тот за день умотается, на лежанку повалится… А сон нейдет! Целыми ночами с боку на бок ворочается, вспоминает: про то, как рубаха на ней распахнулась, про то, какие крылышки пушистые. Кто она – человек или андел? Рукава ему заштопала, к портам пуговку пришила… Нет, всё же андел, андел! Вот только крылья вырастут, и улетит. Страшно и радостно это. И удивительно. И непонятно до робости, да!

Только стали шептаться соседи: возгордился кузнец, в храм не ходит, в гости к себе не пускает, неужели снюхался с нечистой силой? Ну и, как водится, на всякий случай, донесли они фельдфебелю. Пусть проверяет!

Этот пришел никем не зван и первым делом в кузницу. Там всё кругом перерыл, ничего не нашел. Он тогда, разозлясь, приказал:

– Веди в хату!

Власть есть власть. Кто с ней спорит? Зашли…

Только нет нигде странницы! Вот уже воистину андел так андел! Раньше по целым дням сиднем сидела, чаи пила и в зеркало смотрелась, а тут и нет ее, почуяла!

Но фельдфебель, про это не зная, под стол, под лавки и даже в печь заглянул. Кругом порядок и благообразие, как и у всех других людей… Тогда он, осердясь, за печку ринулся…

И за косу ее оттуда выволок! Стоит странница посреди хаты, очи потупила и улыбается. А фельдфебель ей:

– О, старая знакомица! Не ты ли прошлой осенью купца Сорокоумова до нитки обтютюкала?

Кузнец:

– Да как ты смеешь!

А фельдфебель:

– Цыть!

И странницу за щеку взял, в глаза ей посмотрел, хохотнул и грозит:

– Р-разберемся! – потом кузнецу: – Ну и как она, сладкая?

Молчит кузнец; ведь власть на то она и власть, чтоб унижать.

А фельдфебель развернулся на высоких каблуках и пошел себе вон, усы лихо покручивая. Был он, это все знали, зверь зверем – никому пощады не давал, законы строго соблюдал. Нахмурился кузнец.

А странница за печку спряталась и даже к ужину не показалась.

Всю ночь кузнец в кошмарах провалялся. Беда! Этот фельдфебель, ему ничего не докажешь; упрячет странницу в дальний острог и на крылья не глянет. Бежать ей, бежать срочно надо! Правда, он без нее… Ну а кто он такой?! Он никто. Зато она…

Встал кузнец, свечку зажег, пошел, глянул за печь…

А нет ее! Спаслась, голубушка! Р-раз крылышками, р-раз – и улетела! Просветлел кузнец, подумал: ха! фельдфебель утром явится, а я ему скажу, мол так и так…

Да чуть не задохнулся – так ему дух свело! И он по стеночке, по стеночке едва доскребся до лежанки и повалился на нее, зажмурился. Эх, мать честна, да если бы не крылья, да если бы такая, как все! Или пусть даже андел, ведь так даже лучше, уж он бы расстарался бы! Да и фельдфебеля с крыльца, велела б только бы… А так…

Раз, два тяжко вздохнул кузнец…

И вдруг забылся, словно умер.

А утром проснулся – глазам не поверил! Снова андел сидит, кушать ждет, улыбается. И просветлел кузнец! Накормил,

нагляделся, на работы с легким сердцем побежал. С работ прибежал, накормил, нагляделся – и на лежанку.

Лежит и думает: забыл фельдфебель, истинно забыл! Небось в корчме сидит и пьянствует. И ладно! Улыбнулся кузнец, лег на левый чувствительный бок и заснул беспечально.

Крепко спал, ничего не приснилось. Да и кто еще может присниться, когда андел едва не под боком? Но всё-таки ближе к полуночи вдруг…

Бряк! Рядом где-то. Кузнец подскочил, осмотрелся. Нет, тихо. А может, фельдфебель? Он тогда в окно глянул – нет, спят везде, кругом черно. Ну, он тогда опять на боковую.

А под самое утро вновь брякнуло.

Тут кузнец подниматься не стал, только глаз приоткрыл и увидел, как…

Ох-х! Это андел в окно возвращается! Волосы распущены, рубаха распахнута, грудь белая навыкат. Вот те-те-те; спаси и сохрани! Замер кузнец…

А странница к печке идет словно лебедь плывет – ни одна половица не скрипнет – и тихонько напевает. Нежно, ласково так. Вот когда он в первый раз ее голос услышал! Только от этого радости не было, да!

А утром поднялся кузнец как ни в чем ни бывало, андела накормил, в доме прибрал, в кузнице намахался, на ночь опять завалился и притворился, что спит.

И только стемнело как следует, андел снова лебедью проплыла, окошко распахнула… и улетела!

Подхватился кузнец – и за нож… Нет, за топор! Нет, всё бросил и так побежал. Прибежал куда надо, стал под окошко и слушает.

Темно в чужой хате, мертво… Нет, живо! На печке возятся, шушукают. Один голос, потоньше, мурлычет ласково и очень знакомо. А другой, что потолще, браво этак подхохатывает, а после жадно шепчет:

– Ангел ты мой! Ангелочек!

Кузнец дальше слушать не стал и ушел.

Но как только окно на рассвете раскрылось, и как только странница потною ножкой на половицу ступила… так кузнец ее за волосы схватил и во двор выволок.

А со двора да в кузницу. Там бросил ее под ноги, а сам стал горн раздувать. После клещи накалил – и к анделу. Рубашку на ней разорвал, на брюхо повалил, коленом придавил и горящими клещами с корнем крылышки выдрал, золой присыпал и стал ждать, когда она опомнится.

Опомнилась. Села, рубашку не оправила. И улыбается.

Почернел кузнец, осерчал до крайности и за ворота ее вытолкал. Она встала у ворот и улыбается. Очень даже ласково, небесно улыбается. И сквозь прорехи рубашки богатое тело горит…

Да только кузнец:

– П-шла вон, проклятая!

А странница – ей да хоть ты что! Она стоит и голыми плечами пожимает.

– Как знаешь, – говорит.

А после развернулась и пошла. Опять к фельдфебелю. И у них потом семеро деток случилось, один другого краше. Странница остепенилась, раздобрела, замаслилась. Но, как и прежде, всё больше молчит. Фельдфебель, бывало, пьяный со службы придет или – тоже случалось – от девок каких непотребных, так обязательно андела вожжами выходит – то ему щи пригорят, то квас перебродит, – а она всё равно улыбается. Андел, он и есть андел.

А кузнец? Он повесился. В тот же день.